

АНАСТАСИЯ АБРАМОВА
АНАСТАСИЯ ШЕРР

ТЫ СОЛГАЛ, ЧТО Я ТВОЯ...

18+

18+

Анастасия Шерр

Ты солгал, что я твоя...

«Автор»

2026

Шерр А.

Ты солгал, что я твоя... / А. Шерр — «Автор», 2026

Я очнулась после аварии и не помнила ни своего имени, ни прошлого. Мужчина у моей кровати назвал себя моим мужем. Он сказал, что моя мама давно умерла, других близких у меня нет и до аварии я любила его. Я поверила ему. Однажды я увидела по телевизору женщину, которая уже несколько месяцев искала пропавшую дочь. На экране была моя фотография. Моего мужа звали Вадим. Только мужем он мне никогда не был.

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анастасия Абрамова, Анастасия Шерр

Ты солгал, что я твоя...

Ты солгал, что я твоя...

Анастасия Абрамова

Анастасия Шерр

18+

Я очнулась после аварии и не помнила ни своего имени, ни прошлого. Мужчина у моей кровати назвал себя моим мужем. Он сказал, что моя мама давно умерла, других близких у меня нет и до аварии я любила его. Я поверила ему.

Однажды я увидела по телевизору женщину, которая уже несколько месяцев искала пропавшую дочь. На экране была моя фотография.

Моего мужа звали Вадим. Только мужем он мне никогда не был.

Глава 1

Когда она ударилась о капот, я ещё говорил по телефону. Чужой голос продолжал что-то требовать, а девушка уже лежала на дороге. Я выскочил из машины, оставив дверцу распахнутой. Под подошвой захрустело стекло. Одна её туфля осталась на полосе перехода. Я смотрел на эту туфлю, пока не услышал короткий хрип. Девушка была жива. Я опустился на колени в мокрую грязь. Впервые за много лет меня трясло от страха за чужую жизнь.

Она лежала на боку, подвернув руку под грудь. По виску стекала кровь, губы побелели, волосы прилипли к щеке. Я убрал прядь и увидел молодое, красивое лицо с маленьким шрамом над бровью. Приложил пальцы к её шее и нащупал слабый пульс. Из телефона всё ещё кричали моё имя. Я прервал разговор, набрал номер клиники и поднялся, чтобы увидеть вывеску клиники за перекрёстком. Она светилась через дождь. Мне казалось, что я довезу её туда быстрее, чем приедет скорая. О том, что могу навредить, даже не подумал.

— Я сбил девушку! Приготовьте людей у входа, еду к вам! — рявкнул я в трубку, уже подхватывая её. Голова откинулась мне на руку, и я прижал её к плечу. На пальто осталось пятно крови. Я хотел крикнуть, чтобы она открыла глаза. Привык добиваться ответа даже от тех, кто боялся со мной говорить, но она меня не слышала. Я уложил её на заднее сидение, придерживал голову свёрнутым пиджаком и рванул к водительской двери. Телефон выскользнул на коврики. Я оставил его там и завёл двигатель.

У клиники меня встретили с каталкой. Мужчина в синей форме оттолкнул мою руку, когда я полез помогать. Я начал орать, он развернулся и потребовал отойти от машины. Его лицо оказалось так близко, что я увидел лопнувший сосуд в глазу. Обычно я обрывал людей, заговоривших со мной таким тоном. Сейчас промолчал и отступил. Он удерживал голову девушки и давал короткие указания. Я боялся ему помешать. Я шёл вслед за каталкой, пока передо мной не закрылась дверь.

Сестра приёмного отделения спросила, как зовут пострадавшую. Я назвал свою фамилию. Она повторила вопрос громче, с раздражением, словно перед ней стоял пьяный. Пришлось признаться, что девушку вижу впервые. В графе имени осталась пустая строка. Меня спросили про дорогу, удар, потерю сознания. Я отвечал и тёр запястье большим пальцем. Подсохшая кровь осталась под ремешком часов и на стекле циферблата. Сестра протянула салфетки. Я взял их, но так и держал комком.

Виктор приехал, когда меня уже перестало трясти. Посмотрел на пальто, на моё лицо и сбитые костяшки. Я успел ударить кулаком в стену. Он привёз чистую рубашку и говорил тихо. По его словам, свидетели ещё оставались на месте аварии, дорогу снимала камера магазина, а владельца машины уже установили. Я слышал всё это и смотрел на дверь. За ней кто-то рассмеялся. Мне захотелось вытащить смеющегося в коридор и заставить объяснить, что здесь блин смешного. Виктор положил ладонь мне на предплечье, заметил мой взгляд и убрал её.

— В твоей машине нашли сумку, — произнёс он, протягивая небольшой бежевый рюкзак. Я узнал лямку, которую зацепил рукавом, когда укладывал девушку на сиденье. Рюкзак оказался под её спиной, я даже не понял этого в спешке. — Документы внутри. И телефон целый. Заряд почти кончился, но звонки идут.

Я раскрыл рюкзак. Под мягкой обложкой альбома лежал паспорт, рядом пакет с печатными листами и яблоко, помятое с одного бока. Вера Лукина. Двадцать шесть лет. На фотографии она едва заметно улыбалась. Телефон завибрировал у меня в ладони. На нём высветилось слово «Мама». Я смотрел, пока звонок не оборвался. Представил, как её мать ждёт звонка. Мне предстояло сказать ей, что дочь сбили на переходе и за рулём был я. Что я отвлёкся на телефон и ехал быстрее, чем следовало.

Из операционного блока вышел врач. Он объяснил, что у девушки повреждён позвоночник и есть травма головы, что обследование завершено и нужна операция. Я попытался спросить, когда она встанет. Врач смотрел на меня как на идиота. Его ещё никто не успел предупредить, кто стоит в коридоре. Он сказал, что сейчас они делают всё необходимое для её жизни и стабилизации позвоночника. О ногах разговор будет позже. Он осторожно подбирал слова, а я ждал обещания, которого он не давал.

— Делайте всё, что нужно, — выговорил я и схватил его за рукав. Ткань натянулась на локте. — Любые деньги. Слышите? Если надо кого-то привезти, привезём. Только вытащите её.

Врач высвободил руку. Ответил, что деньги тут мало чем помогут, и ушёл. Виктор молча поднял с пола салфетки, которые я уронил. Телефон девушки снова зазвонил. Я нажал кнопку сбоку, убрал его в рюкзак и застегнул молнию. Я мог отдать документы сестре и ответить матери. Вместо этого сунул рюкзак Виктору и велел пока держать у себя. Я не хотел сейчас этого разговора. Все решится позже, когда закончится операция.

Глава 2

Я хотела поджать ноги, потому что мёрзла. Потянула одеяло к подбородку, напряглась и уставилась на неподвижную ткань. Под ней ничего не изменилось. Попробовала ещё раз, сильнее, до боли в шее. Рука с закреплённой на ней трубкой капельницы лежала на подушке. Я сжала пальцы, разжала, коснулась губ. Рука слушалась. Ноги лежали под одеялом, но я их не чувствовала.

Я начала стаскивать одеяло. От боли в спине я вскрикнула и не смогла вдохнуть. Ко мне наклонилась женщина, придержала за плечи, попросила лежать спокойно. Я хотела объяснить, что не успокоюсь, пока не увижу свои ноги. Женщина нажала кнопку над кроватью. Вошёл врач, за ним ещё одна сестра. Они окружили кровать, внимательно глядя на меня. Я узнала больничную одежду, поняла смысл слов про операцию, но ни один человек в комнате не показался знакомым.

— Почему я их не чувствую? — спросила я, вцепившись в край простыни. Голос вышел силным. Врач придвинул стул и сел так, чтобы мне не пришлось поднимать голову. — Уберите одеяло. Пожалуйста, я должна посмотреть. Они у меня есть?

Он открыл ноги. Обе лежали на постели, бледные, с аккуратно подстриженными ногтями. На колене темнел синяк. Я протянула руку и коснулась бедра, насколько позволяла боль в спине. Я чувствовала кожу пальцами, но их прикосновения к ноге не ощущала. Я смотрела на ногу, пыталась пошевелить ею и всё чаще дышала. Сестра держала стакан с трубочкой, но я оттолкнула его. Вода пролилась ей на ладонь. Она даже не рассердилась, и от этого стало страшнее.

Врач говорил о травме позвоночника и повреждении спинного мозга. О том, что во время операции позвонки зафиксировали, но судить о восстановлении спинного мозга пока рано. Я понимала, что говорит врач, но всё ещё ждала, что сумею пошевелить ногами. Он попросил назвать имя. Я открыла рот и замолчала. Попыталась представить документ, свою подпись, голос человека, который зовёт меня с улицы. В голове возникла синяя чашка с отбитой ручкой, но я не знала, откуда она и кто её разбил.

— Как меня зовут? — выдохнула я. Сестра посмотрела на врача. Он спросил, что я помню до больницы, и я разозлилась так сильно, что на секунду забыла о ногах. — Я у вас спрашиваю! Вы же меня лечите! У вас написано где-нибудь! Скажите мне!

Он ответил, что меня привезли без документов и личность ещё устанавливают. Я смотрела на него, надеясь, что он добавит хоть что-нибудь, но врач продолжил осторожно задавать вопросы. Я знала, как пользоваться телефоном, понимала, для чего нужен градусник, могла прочитать надпись на упаковке салфеток. О себе рассказать оказалось нечего. От напряжения разболелась голова, и я закрыла глаза.

Когда их открыла, в палате стоял мужчина. Высокий, небритый, в тёмной рубашке, обтягивающей широкие плечи. На руке у него были часы с поцарапанным стеклом. Сначала я заметила его руку на спинке стула. Он так сжимал спинку, что побелели пальцы. Мужчина не отво-

дил от меня взгляда, а я всматривалась в его лицо, надеясь вспомнить хотя бы одну встречу с ним. Ничего не вспоминалось.

— Тебя зовут Нина Орлова, — произнёс он, придвигая стул. Я вздрогнула от низкого голоса. — Меня зовут Вадим. Мы живём вместе. Ты попала под мою машину. Я был за рулём.

Я пыталась понять, как это могло случиться. Мы жили вместе, а он сбил меня на своей машине. Он сел, наклонился ко мне и положил руки на колени. На правой кисти были ссадины. Я спросила, он ли это сделал, и ткнула пальцем в собственную ногу. Вадим закрыл глаза. Он стиснул зубы. Он ответил «да» так тихо, что я больше увидела движение губ, чем услышала звук.

Мне хотелось ударить его. Хотелось, чтобы он встал и упал на пол, не сумев сделать шага. Чтобы хоть на минуту испытал мой страх. Я сжала пластмассовый стакан. Он хрустнул, вода потекла на простыню. Вадим потянулся к нему и замер, когда я замахнулась. Я швырнула стакан ему в лицо. Попала в плечо, облила рубашку. Он сидел, даже вытереться не попытался. Я кричала, пока в палату не вернулась сестра. Вадим поднялся и отошёл, а она осталась со мной, пытаясь успокоить. Простыня под руками была мокрой, стакан валялся на полу.

Когда он дошёл до двери, я всё-таки позвала его. Он повернулся так резко, что задел косяк локтем. Я спросила про маму. О ней я подумала первой, когда стало совсем невыносимо. Хотелось, чтобы она села на кровать, поправила одеяло и заговорила со мной. Может быть, её лицо или голос я бы узнала. Вадим подошёл, глубоко вдохнул. Разгладил мокрую складку простыни и сказал, что моей мамы давно нет. Я смотрела на его руку и плакала о женщине, лица которой не могла вспомнить. Он подал мне сухой платок. Я скомкала его, прижала ко рту и отвернулась. Впервые подумала о том, что за дверью больницы меня, возможно, никто не ждёт. Отпустить этого мужчину означало остаться без единственного человека, который знал хотя бы моё имя.

Глава 3

Я сказал ей про мать и вышел из палаты. Она плакала из-за моей лжи. Я знал это и всё равно не вернулся. У окна стоял Виктор, держал рюкзак за обе лямки. Паспорт мы уже успели посмотреть вместе. Знали настоящее имя, адрес, видели входящие звонки. Сначала я велел молчать, потому что хотел сам поговорить с врачами. После пробуждения девушка не смогла назвать себя. Мне сообщили об этом, но в палату позволили войти лишь после разговора с неврологом. Пока врач объясняла, что потеря личных воспоминаний требует наблюдения и отдельных обследований, я уже решил, что скажу. Перед тем как войти к ней, я назвал сестре имя Нины Орловой и представился мужем.

Виктор приподнял рюкзак. Я выдернул его из рук и зашёл в пустую комнату для посетителей. Там пахло растворимым кофе, на столе лежала недоеденная булка. Я положил паспорт девушки рядом с булкой и посмотрел на фотографию. Оправдать себя было нечем. Я сбил её, а теперь собирался воспользоваться её беспомощностью и потерей памяти, чтобы привязать к себе. От этой мысли стало душно. Я открыл окно, вдохнул холодный воздух и всё равно продолжил.

— Оставьте её под тем именем, которое я назвал, — потребовал я, когда в комнату вошёл Павел Ильич. Заместитель директора клиники поправлял очки и старался смотреть на мою рубашку. — Её паспорт останется у меня. В карте должно стоять, что я её муж. И сделайте так, чтобы в палату не таскались посторонние.

Он покачал головой. Заговорил про сообщение о дорожной травме, про проверку, про лечащих врачей, которым нельзя запретить разговаривать с пациенткой. Я позволил ему перечислить все неудобства. Затем напомнил о деньгах, которые вложил в его клинику через партнёра, и о другом разговоре, после которого Павел Ильич перестал опасаться своего бывшего компаньона. Он сел на стул. Снял очки, протёр платком, хотя стёкла были чистыми. Я ждал, какую сумму он назовёт.

Я запретил вмешиваться в лечение. Врачи должны были обследовать её, назначать всё необходимое и возражать мне, если потребуется. Павел Ильич менял сведения о личности и бумаги, уходившие из приёмного отделения. Проверка наезда продолжалась. Я оставался водителем, сбившим женщину на переходе, только в сообщении из клиники потерпевшей теперь значилась Нина Орлова, якобы моя жена. По состоянию здоровья её ещё не опросили. Павел Ильич знал, что делает. Я видел это по тому, как он просил разговаривать без Виктора. Вышел он с папкой, прижатой к животу, и с обещанием прислать мне на подпись необходимые документы. Не всё он сделал так, как обещал. Но тогда я верил, что за эти деньги он выполнит нашу договорённость.

Дома я велел освободить нижнюю спальню. До аварии в ней ночевали редкие гости, которых я терпел до завтрака. Теперь отсюда выносили узкую кровать, ковёр, стеклянный столик. Рабочие мерили двери, обсуждали ванную, приносили образцы нескользкого покрытия. Я ходил между ними в той же рубашке и отвечал на вопросы о высоте раковины. На шкафу обнаружилась старая рамка с фотографией моего отца. Я повернул её к стене. К приезду девушки дом должен был быть готов. Мне нужно было, чтобы она увидела в этой заботе мужа, который знает её много лет.

Тамару я вызвал из агентства по рекомендации Виктора. Она приехала с паспортом и трудовой книжкой. Мою фамилию знала и держалась настороженно. Я дал ей лист со сведениями, которые она должна была запомнить. Нина Орлова. Моя жена. Живёт здесь, любит рисовать, родителей потеряла, близких родственников нет. Я выбрал рисование из-за альбома в рюкзаке. На его страницах были звери в смешных пальто, маленькая девочка с зонтом, рука взрослой женщины. Тамара прочитала лист и спросила, почему ей нужно учить чужую биографию.

— Потому что моя жена потеряла память, — ответил я, придвинув к ней конверт. Она отвела глаза от денег и снова посмотрела на бумагу. — Вам будут задавать вопросы. Отвечайте как договорились. Если чего-то здесь нет, зовите меня. Историй от себя придумывать не надо.

Тамара медленно сложила лист. Попросила разрешения позвонить дочери и сообщить, что задержится. Я кивнул, указал на коридор. Повар Лида согласилась быстрее. Ей предстояло кормить женщину после больницы, она боялась перепутать ограничения в питании и больше расспрашивала об этом. Тамара при слове «сирота» поджала губы. Я запомнил это. Мне важно было понять, кто станет помогать, а кто не выдержит и расскажет Нине правду.

Кира пришла последней. Медсестра принесла документы, рассказала, что умеет, и спросила о выписке. Я дал ей только те сведения, которые она должна была знать. Пациентка после операции, память нарушена, муж организует уход, дом приспособливают для коляски. Ей предстояло ухаживать за Ниной. О выдуманном прошлом я ей не говорил. Кира потребовала выписки и назначения врачей и тому подобное. Я предоставил. Умел ценить людей, которые хорошо делали свою работу, пока эта работа не мешала мне.

Перед возвращением в клинику я остановился в ювелирном. Выбрал тонкое кольцо без камней, купил второе для себя. На моём пальце золото выглядело нелепо. Вера Лукина лежала в больничной палате и плакала о матери, которую я объявил умершей. Меня она ненавидела за то, что я сбил её на дороге. Я собирался убедить её, что когда-то она любила меня. Кольцо убрал в карман и впервые за всё это время поймал себя на том, что хочу скорее увидеть, как она откроет глаза при моём появлении.

Глава 4

Кольцо оказалось мне велико. Вадим надел его на палец, заметил зазор и нахмурился. Я смотрела на тонкую золотую полоску, надеясь вспомнить хотя бы один момент нашей свадьбы. Мужчина объяснил, что за время лечения я похудела, а кольцо можно уменьшить. Я стянула его и положила в маленькую коробку. Без кольца я чувствовала себя так же, как с ним. Он остался стоять с протянутой ладонью, и мне стало неловко за то, что я не сумела обрадоваться.

— Ты мог сказать про свадьбу раньше, — произнесла я, придвигая коробку к стакану. Вадим сел и опустил глаза на свою руку. У него было такое же кольцо, шире моего. — Я спрашивала, кто ты. Ты ответил, что мы живём вместе. Это разные вещи.

Он объяснил, что побоялся вывалить на меня всё, пока я только очнулась. Расписались мы без гостей, обошлись ужином дома. Я не взяла его фамилию, а он не спорил. Говорил Вадим спокойно, иногда замолкал, будто вспоминал подробности. В эти паузы я пыталась представить нас за столом, себя в белом платье, услышать наш смех. Придумать всё это было нетрудно, но ощущения, что такое уже случилось со мной, не появлялось.

Елена Сергеевна попросила Вадима выйти на время осмотра. Он задержался у двери, она посмотрела на него поверх очков, и он всё-таки ушёл. Врач проверила, помню ли я её имя, наш предыдущий разговор, что ела. С этим я справилась. События последних дней я помнила. А всё, что было до аварии, по-прежнему оставалось недоступным. Я могла назвать город, потому что прочитала его на бумажном стакане, могла объяснить, что такое автобусная остановка, но собственную дорогу домой представить не могла. Елена Сергеевна записывала мои ответы и давала отдыхать, когда от вопросов начинало тошнить.

— А если он мне всё расскажет, я вспомню? — спросила я, глядя на закрытую дверь. Врач убрала ручку. Я испугалась её молчания и заговорила быстрее. — Он мой муж. Я вижу, что он переживает. Но мне от этого только хуже. Я должна его знать, а внутри ничего нет.

— Вы можете выслушать, — ответила Елена Сергеевна. Она подвинула стакан, чтобы я дотянулась без усилия. — Но чужой рассказ и ваше воспоминание пока стоит различать. Не надо заставлять себя узнавать человека или событие. И торопить с близостью вас никто не должен. Вы вправе сказать, что сейчас вам страшно или неприятно.

Я кивнула. Последние слова принесли облегчение. После её ухода долго рассматривала кольцо. На внутренней стороне ничего не было написано. Вадим не походил на человека, который стал бы заказывать признание мелкими буквами. Я обрадовалась, решив, что что-то вспомнила. Но таким я узнала Вадима уже в больнице. Разозлилась, закрыла коробку и спрятала под салфетки. Бесконечные догадки о прошлом утомляли сильнее осмотров.

О ногах со мной говорил другой врач. Он принёс снимки, сел у кровати и объяснил, что повреждение серьёзное. На вопросы отвечал без раздражения, даже когда я повторяла один и тот же вопрос другими словами. Я спрашивала, когда пойду. Он говорил, что пока не может обещать возвращения движений. Спрашивала, могу ли остаться в коляске. Он подтвердил, что такой исход возможен и к нему тоже надо готовиться. Я повернула лицо к стене. На краске

была тонкая царапина, похожая на длинный волос. Я считала участки, где она прерывалась, пока врач складывал снимки.

Когда разрешили постепенно приподнимать изголовье, я ждала этого как освобождения. Оказалось, сидеть тоже придётся учиться. Закружилась голова, выступил пот, пальцы стали холодными. Меня уложили, проверили давление. Бодрое «попробуем ещё» злило. Сестра спокойно стояла у кровати, а мне едва удалось приподняться. Вадим принёс новый плед, нашёл на нём торчащую нитку и долго её отрывал. Я попросила уйти. Он положил плед на кресло и сел в коридоре так, что через щель двери были видны его ботинки.

Я позвала его, когда у меня заболела рука от попыток достать салфетку. Он торопливо вошёл, подал салфетку, поправил столик, спросил, принести ли воды. От его стараний хотелось плакать. Я хотела снова ходить, помнить того, кого любила, увидеть живую мать. Ничего из этого он дать мне не мог. Вместо этого я спросила, останется ли он, если я никогда не встану. Вадим опустил на стул и взял меня за пальцы. Я позволила, потому что больше держаться было не за кого.

— Останусь, — ответил он, наклоняясь ближе. На лице у него было такое злое напряжение, что я сначала испугалась. — Слышишь меня? Ты поедешь домой. Я всё приготовлю. Никому тебя не отдам и даже разговора об этом не хочу слышать.

Наверное, следовало насторожиться из-за последней фразы. Я запомнила первую. Лежала в больничной кровати, чувствовала крупную ладонь и старалась плакать тихо, чтобы мужчина не отнял руку. Он достал сухую салфетку, коснулся щеки, неловко промокнул слёзы. От салфетки пахло лимоном. Я прижала его к носу и подумала, что, если не сумею вернуть прежнюю любовь, могу хотя бы перестать бояться этого человека. Вадим знал, что виноват передо мной, и оставался рядом.

Глава 5

Через несколько недель меня выписали. Дом я увидела из окна машины, приспособленной для перевозки коляски. Вадим сидел напротив и следил за ремнями, хотя их проверили при посадке. Кира держала на коленях папку с выписками. Я уже знала её голос, знала, как она помогает повернуться и на какие мои ругательства не обижается. Рядом с ней было спокойнее. Я смотрела на большой светлый дом за оградой и ничего не узнавала. Когда машина остановилась, Вадим вышел первым. Потянулся к креплениям, получил от Киры короткое замечание и отступил, сжав губы. Я отвернулась к стеклу, чтобы он не увидел моей слабой улыбки.

К входу вёл широкий пологий подъём. По краям ещё лежали обрезки упаковки, пахло свежим деревом. Мужчина с инструментами поспешно оттащил ящик от двери. Я надеялась узнать хоть что-нибудь. Ступень, пятно на камне, даже запах собаки могли бы напомнить о прежней жизни. Я вглядывалась в окна, в круглый куст у дорожки, в ручку двери. Дом оставался чужим. Вадим поставил ладонь на спинку коляски, но я попросила дать мне проехать самой. Руки быстро устали. Он дождался моего кивка и толкнул коляску вперёд.

В прихожей стояла полная женщина в сером платье. Она сжала перед собой руки и назвала меня Ниной Вадимовной. Я удивилась отчеству и спросила, действительно ли моего отца тоже звали Вадимом. Женщина побледнела. Мужчина за моей спиной резко кашлянул, а Кира поправила складку пледа. Мне стало стыдно за то, что я поставила всех в неловкое положение. Женщина поспешно объяснила, что переволновалась и перепутала. Представилась Тамарой, предложила показать комнату. Я решила, что людям, которые знали меня здоровой, тоже трудно смотреть на коляску.

— Мы раньше ладили? — спросила я, когда Тамара открыла дверь спальни. Она остановилась, держась за ручку. Я попробовала улыбнуться, чтобы облегчить ей ответ. — Если я была вредной, скажите. Может, хоть это удастся исправить. Сейчас у меня скверный характер, но это, наверное, заметно.

Тамара посмотрела на Вадима. Он стоял в коридоре, разговаривал с Кирой о каких-то бумагах и будто не слушал нас. Женщина ответила, что я всегда была с ней вежлива. Похвалила цвет комнаты, показала шкаф и кнопку вызова у кровати. Говорила быстро, перечисляла предметы, которые я и сама видела. Я решила, что расспросы её смущают, и больше ничего не спрашивала.

На кровати лежала ночная рубашка, в шкафу висела одежда. Я коснулась рукава зелёного кардигана. Мягкая шерсть, деревянные пуговицы, ярлык на внутреннем шве. Вещь выглядела новой. Вадим объяснил, что покупал свободную одежду, чтобы легче было переодеваться после операции. По его словам, мои старые вещи остались наверху. Я попросила принести их. Он кивнул, открыл ящик с носками и зачем-то начал показывать пары. Я устала раньше, чем сумела настоять. Кира заметила это по лицу и отправила всех из комнаты.

Кира помогала мне пересесть на кровать. Мы двигались медленно, с остановками. В больнице я делала это под руководством специалистов, но здесь кровать была другой, подлокотник цеплялся за ткань, а спина ныла после дороги. Я начала сердиться на Киру. Она выслушала, подождала, пока я перестану ругаться, и попросила снова поставить ладонь. На мой голос в

комнату вернулся Вадим. Я увидела его руку над моим плечом и крикнула, чтобы не трогал. Он застыл. Кира даже головы к нему не повернула, работала со мной и дождалась, пока я окажусь на кровати.

Я лежала, отвернувшись от окна. В коридоре шептались. Через открытую дверь мне были видны мужские брюки, край медицинской сумки, рука Тамары с подносом. Все хлопотали ради меня. Я понимала, сколько сделано, видела новую спальню, рубашки, поручни в ванной. Наверное, следовало поблагодарить, но я едва сдерживалась, чтобы снова не заплакать. Даже здесь я не могла без помощи пересесть на кровать. Вадим вошёл, когда Кира ушла мыть руки. Присел на край кресла и поставил на стол коробку.

— Твои вещи сверху пока разберут, — сказал он, вынимая карандаши. Я потянулась к ним прежде, чем успела решить, нужны ли они мне. — Ты рисовала. Я помню, как ругалась из-за затупленных карандашей. Здесь точилка есть. Бумага тоже. Если захочешь, попробуй.

Я взяла карандаш привычным движением и замерла. Провела по листу, нажала сильнее. Как рисовать, я помнила, хотя о себе не могла рассказать почти ничего. На бумаге получилась чашка, та самая, с отбитой ручкой. Я заштриховала трещину и остановилась. Вадим смотрел на рисунок, наклонившись ко мне. Я спросила, была ли у нас такая. Он ответил, что могла быть. Посуду разбивали, меняли, он за всем не следил. Я прижала лист к груди и решила сохранить его, даже если чашки никогда не существовало.

Перед сном Кира помогла мне привести себя в порядок и прикрыла дверь, услышав в коридоре шаги Тамары. Я была благодарна за эту маленькую заботу. Когда медсестра вышла, Вадим постучал и остался за дверью. Я разрешила войти, увидела подушку у него под мышкой и растерялась. Он положил её на диван у стены, стянул часы, сел. На вопрос, будет ли здесь спать, ответил, что останется, если я не возражаю. Я долго смотрела на его широкую спину. В доме, который мне предстояло считать своим, я искала защиты у человека, лишившего меня прежней жизни.

Глава 6

Я проснулся, услышав, как Нина шёпотом зовёт Киру. Она лежала с закрытыми глазами и сжимала край одеяла. Я поднялся, спросил, что болит. Нина вспыхнула и попросила медсестру. Я нажал кнопку вызова, но остался у кровати, дожидаясь объяснений. Тогда она попросила меня выйти. Я подчинился неохотно и разозлился на себя. Ей было плохо, а я ещё требовал отчёта.

Кира прикрыла дверь перед моим лицом. Я остался в коридоре, прислушиваясь к шуму воды в ванной и тихому разговору. Мог купить любую кровать, привезти специалистов, снести стену между спальней и санузлом. Сейчас от меня требовалось лишь не мешать Кире. За дверью плакала Нина, а медсестра терпеливо ей что-то объясняла. Постепенно всхлипы стали тише, я уже мог разобрать Кирины слова. Прижавшись затылком к стене, я вспомнил, как торопливо укладывал девушку на заднее сиденье. Тогда мне казалось, что главное успеть довезти её до врачей.

Я вернулся, когда меня позвали. На столе стоял таз, Кира убирала бельё в пакет. Нина лежала на боку, отвернувшись к окну. Когда я обошёл кровать, она закрыла лицо ладонью и попросила не смотреть. Я едва не сказал, что всё нормально. Ничего нормального для неё в этом не было. Даже сменить мокрую постель без чужой помощи она теперь не могла. Я стоял у кровати и видел то, что ей хотелось от меня скрыть. За бодрое утешение она имела полное право запустить в меня ещё одним стаканом.

— Я принесу свежей воды, — сказал я, взяв графин. Нина убрала ладонь от лица и посмотрела на меня опухшими от слёз глазами. Я задержался у двери. — Скажи, что ещё нужно, Нина. Сам я могу не догадаться.

Она попросила убрать зеркало напротив кровати. Я снял его и сам отнёс в кладовую, не отдав Тамаре, которая потянулась за рамой. В кладовой пахло картоном и лавандой. Ставя зеркало к стене, я поймал своё отражение. Ещё недавно я и представить не мог, что буду выбирать женщине мягкие носки и прислушиваться к скрипу её кровати. Теперь старался угадать по лицу, не больно ли ей, не хочет ли она пить. А паспорт, по которому можно было найти её мать, держал в своём сейфе.

Виктор ждал в кабинете. На столе лежал Нинин настоящий телефон, заряженный, со множеством пропущенных звонков. Виктор рассказал о поисках. Мать подала заявление о пропаже дочери. Последний известный маршрут вёл к типографии, откуда Вера собиралась вернуться домой. По наезду всё ещё шла проверка, но розыск Веры Лукиной пока не связали с записью о Нине Орловой. На обращения матери Павел Ильич отвечал, что её дочери у них нет. В ответах на запросы ссылался на травму головы и добивался отсрочки её опроса. Лечащие врачи такого запрета не давали. Я провёл рукой по лицу. После этих новостей мне предстояло велеть Виктору и дальше прятать её. Даже произносить такое вслух было противно. Он ждал указаний, упёршись ладонями в стол. Ни один из нас уже не мог притвориться, что лишь помогает расстрелявшемуся после аварии человеку.

— Убедись, что в дом никто не войдёт без моего ведома, — приказал я. Он посмотрел на закрытую дверь, за которой прошла Кира. — Лечению не мешать. Врачей пропускать. Обо всех остальных докладывай мне лично.

Виктор спросил, до какого момента я собираюсь продолжать. Я поднял голову. Он был со мной давно и знал, когда можно возразить. В этот раз время выбрал не то. Я обошёл стол и прижал его плечом к шкафу. Телефон упал на пол, прокатился под кресло. Виктор даже не поднял рук, только смотрел в лицо. От его спокойствия хотелось ударить. Я отпустил, когда услышал, как в коридоре Нина зовёт Тamarу. Мой собственный голос, которым я ответил ей через дверь, оказался мягче, чем я ожидал.

Нина сидела в коляске у окна. Кира разрешила ненадолго пересесть, и теперь Нине хотелось выехать на террасу. Плед съехал с подножек, колесо застряло у края ковра, который рабочие забыли убрать из гостиной. Я подобрал плед, откатил коляску и убрал ковёр, едва удержавшись от крика на Тamarу. Нина молча следила за мной. Я спросил, что случилось, и она показала на мою руку. После стычки с Виктором на костяшке снова кровила ссадина. Я соврал, что зацепил шкаф. Нина потянулась за салфетками.

— Дай сюда, — попросила Нина и поймала мои пальцы. Я опустил перед ней, ошеломлённый тем, как естественно она это сделала. Она промокнула кровь, нахмурилась. — Ты можешь хоть немного беречь себя? Я на тебя смотрю и всё время думаю, что ты тоже сейчас свалишься. Что тогда делать?

От её заботы становилось паршивее, чем от обвинений. Я сидел на корточках, пока Нина вытирала мне руку, и с трудом удерживался, чтобы не обнять её. Поцеловал пальцы, державшие салфетку. Она смутилась, но руки не отняла. Я открыл дверь на террасу и осторожно провёз коляску через порог. В саду пахло влажной землёй. Нина подняла лицо к небу, глубоко вдохнула. На поручне сидела синица и, поворачивая голову, разглядывала нас. Нина попросила хлеба. Я вернулся с кухни с целым батоном и впервые услышал, как она смеётся от души. Отщипнув крошечный кусок, она велела отнести остальное обратно. Я послушался, поймал Лидину улыбку и сердито посмотрел на неё. Хотелось задержаться на террасе и поверить, что я привёз домой жену, с которой мы вместе переживаем беду. В кабинете в ящике всё ещё лежал телефон, по которому её искала мать.

Глава 7

По моей просьбе Кира вернула зеркало, поставила на стул напротив и достала расчёску. Волосы на затылке спутались. Пока она осторожно разбирала пряди пальцами, я рассматривала себя. На лбу светлел шрам, которого я не помнила. Кира сказала, что он старый, к аварии отношения не имеет. Я потрогала его, пытаясь представить, обо что могла удариться. Хотелось узнать о себе хотя бы что-нибудь. Носила ли я всегда длинные волосы, красилась ли по утрам, нравилось ли мне собственное лицо.

Я попросила ножницы. Кира остановилась с расчёской в руке и уточнила, насколько коротко я хочу подстричься. До плеч, ответила я. Она предложила позвать парикмахера, а я рассердилась и потянула к себе прядь. Даже волосами мне не давали распорядиться самой. Быстро сесть нельзя, наклониться нельзя, за носками приходится просить кого-нибудь сходить. Теперь ещё и прядь отрезать разрешат после совещания. Кира положила расчёску на стол и объяснила, что хочет уберечь меня от кривой стрижки. Решение подстричься она оспаривать не собиралась.

— Я сама решу, как мне стричься! — крикнула я и испугалась собственного голоса. Кира осталась на месте. В дверях появился Вадим, и я сильнее сжала прядь. — И его не зови! У меня руки работают. Дай ножницы, я хочу это сделать сама!

Вадим шагнул к столу, но Кира подняла ладонь и объяснила, что спорим мы лишь о том, кто будет меня стричь. Он коснулся пряди на моём плече, провёл по ней пальцами и нахмурился. Я ждала запрета, уже готовая сделать наперекор. Вадим спросил, давно ли я решила. После крика отвечать на такой обыденный вопрос пришлось почти спокойно. Я сказала, что захотела подстричься только сейчас. Он отпустил прядь и велел Тамаре найти хорошего мастера.

Одну прядь я всё-таки отрезала сама. Кира принесла маленькие ножницы и придержала волосы. Лезвия щёлкнули, прядь упала на колени, и мне стало легче. Вадим смотрел на неё так, словно я испортила дорогую вещь. Я спросила, очень ли страшно выгляжу. Он присел перед коляской, взял меня за подбородок, повернул лицо к свету и сказал, что страшно я выглядела на дороге. Я перестала улыбаться. Вадим заметил это, отпустил меня и отошёл к окну.

Парикмахер приехала с большим чемоданом. Раскладывая инструменты и болтая с Кирой, спросила, люблю ли я чёлку. Я призналась, что не знаю. Она объяснила, какие варианты подойдут к моему лицу, и ждала, пока я выберу. Я едва не расплакалась. Наконец меня спрашивали о том, чего мне хочется сейчас, и я могла ответить. Волосы падали на накидку, щекотали кисти. Я следила за отражением, иногда просила оставить длиннее. Вадим несколько раз подходил к двери и уходил. Мастер продолжала обращаться только ко мне.

После стрижки я устала. Кира помогла мне лечь, принесла воду и проверила кожу в местах, на которые приходилось давление при сидении. Мы уже могли обсуждать уход без мучительных пауз. Я задавала вопросы, иногда смеялась над собственной растерянностью. О мочевом пузыре и кишечнике говорить всё ещё было неловко, но я хотя бы понимала, что делать. Кира напомнила, что на обучение потребуется время. Никто не назначал мне дня, к

которому я обязана справляться без помощи. Я спросила, чему ещё смогу научиться. До этого меня занимало лишь то, чего я больше никогда не сумею.

Вадим принёс ужин на подносе. Лида приготовила рыбу без костей и положила гарнир отдельно. Я попросила его поесть со мной. Он сказал, что поест позже, и я отодвинула тарелку. Вадим посмотрел на неё, подозвал Тамару и попросил ещё один прибор. Ел он быстро, словно его вот-вот должны были отвлечь. Я разглядывала кольцо на его руке. Заметив мой взгляд, он замедлился и спросил, о чём я думаю.

— Как ты со мной жил, если я такая злая? — спросила я, ковыряя рыбу вилкой. Он усмехнулся и наклонился к моей тарелке, но я отодвинула её. — Костей нет, я проверила. Ответь лучше. Мне теперь всё сойдёт с рук? Я могу срываться на тебе, а ты будешь терпеть, потому что виноват?

Он положил вилку и сказал, что я имею право злиться. Я ответила, что спрашиваю о другом. Мне хотелось знать, как мы жили до больницы. Из-за чего спорили, мирились ли за ужином, как ему удавалось меня рассмешить. С каждым вопросом Вадим всё сильнее напрягался, и я умолкла. Наверное, ему было трудно вспоминать меня здоровой после того, что случилось на дороге. Мне и самой было больно представлять женщину, которая ходила по этому дому без чужой помощи. Я решила спросить в другой раз.

Пока Кира занималась бумагами, Вадим остался со мной. Включил старую комедию. Я то и дело смеялась, а он поворачивался ко мне, порой пропуская шутку. От этого внимания становилось тепло и неловко. Он заметил, что короткая прядь лезет мне в глаза, и поправил её. Я позволила ему задержать руку у виска. Мне хотелось нравиться ему такой, какой я была сейчас.

Глава 8

Она спрашивала о нашей жизни, а я вспоминал пустой дом, в котором не включал свет, возвращаясь по вечерам. Женские туфли в прихожей никогда не оставались надолго. Если за ужином у меня сидели люди, они дожидались решения по своим делам. Мне было что рассказать о себе, но общей жизни у нас с Ниной не было. Ей хотелось знать, где мы встретились, кто первым подошёл, чем она мне понравилась. Я сидел в кресле напротив неё и обдумывал историю нашего знакомства. Нужно было придумать такую, в которую она захочет поверить.

Я сказал, что мы познакомились в кафе. Нина рисовала на салфетке и рассердилась, когда я без спроса взял её посмотреть. Она улыбнулась и потянулась за карандашом. История ей нравилась, я видел это и продолжал. Рассказал о неудачном кофе, о предложении подвезти, от которого она отказалась, и о том, как на следующий день опять пришёл в кафе. Говорить становилось легче. Нина слушала, не перебивая. Узнай она правду, оттолкнула бы меня, а теперь улыбалась выдуманной мною встрече.

— А почему ты всё-таки вернулся? — спросила Нина. Она рисовала мой ботинок, и карандаш остановился над складкой у шнуровки.

— Потому что захотел тебя увидеть, — ответил я и впервые за весь разговор не солгал. — Очень захотел. А когда я чего-то хочу, отступить не привык.

Она подняла глаза и чуть улыбнулась. Я понял, что нравлюсь ей. Хотелось остаться с ней вдвоём, чтобы никто не стучал в дверь, не заглядывал с медицинской сумкой и не отвлекал звонками. Я потянулся к её ладони, но Нина напряглась. Она ещё вздрагивала, когда я приближался слишком быстро. Заставил себя отодвинуть кресло. Пусть привыкает. Я умел ждать, если знал, что в конце концов получу то, чего хочу.

Документы она попросила после разговора с Кирой. Медсестра собирала папку для выезда на консультацию, и Нина захотела увидеть свидетельство о браке. Я вышел из спальни, позвал Виктора и закрыл за нами дверь кабинета. Поддельная копия уже лежала у него в папке. Сделана она была убедительно. Павел Ильич принял ложные сведения для больничной регистрации, но моей женой Вера Лукина от этого не стала. Я знал, как быстро всё раскроется, если кто-нибудь за пределами клиники решит проверить документы.

Нина рассматривала копию, провела пальцем по фамилии и спросила про оригинал. Я ответил, что он среди документов, которые приводят в порядок после аварии. Сам слышал, как жалко это звучит. Она поверила. У неё болела спина, впереди был осмотр, и тревожило её то, как она перенесёт дорогу сидя. В копии она искала подтверждение моим словам. На печати она взглянула мельком. Я убрал бумагу в медицинскую папку и почувствовал облегчение, за которое тут же себя возненавидел.

Нина продолжала просить одежду, которую носила до больницы. Я велел Виктору купить ношенный кардиган, шарф и пару книг с загнутыми страницами. Он посмотрел на меня с осуждением. Я сделал вид, что не заметил. Виктор выполнил приказ и привёз вещи в пакете. Перебрав их, я оставил только шарф с книгами. От кардигана пахло чужими духами. Представил, как Нина прижмёт его к лицу, пытаясь вспомнить свою жизнь, и отшвырнул вещь на стул.

Тамара пришла за чашками и задержала взгляд на пакете, книгах, моей руке на шарфе. Я приготовился оборвать её, если начнёт спрашивать, но она молча взялась за посуду. Чашки звякнули, Тамара извинилась. Я поймал её за запястье и потребовал объяснить, что она хочет сказать. Она посмотрела на мою руку, затем мне в лицо и ответила, что Нина всё время спрашивает о своём любимом завтраке. Я велел назвать любой. Тамара медленно покачала головой, и я сильнее сжал её запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.